

ОБ ОСНОВАНИЯХ ОПТИМИЗМА В МУЗЫКЕ С. С. ПРОКОФЬЕВА

Сергей Прокофьев – один из выдающихся композиторов не только отечественной, но и всей мировой музыкальной культуры XX века. Как утверждают исследователи, это один из тех гениев, на которых работает время. В год 125-летия творца, когда историческая дистанция, отделяющая нас от времени жизни С. Прокофьева, позволяет дать более объективную оценку, представляется актуальным вновь обратиться к творчеству композитора, переосмыслить его основания. Понимание внутренних интенций и метафизической направленности сочинений великого художника требует глубокого, всестороннего исследования всех составляющих творчества. Это предполагает внимание не только к поверхностной, внешне-событийной стороне его жизни, но в первую очередь к внутреннему миру Прокофьева, его потаённым пластам. Предметом внимания данной статьи является до сих пор малоизученный аспект – мироощущение композитора, рассматриваемое здесь в качестве основы его творческой деятельности.

Общепризнанно, что существенной особенностью музыки Прокофьева является неиссякающий оптимизм. Творчество композитора несёт в себе практически не имеющий аналогов в истории искусства XX века заряд позитивной энергии и света, веры в человека, в конечную победу добра и гармонии. В то время, как большинство художников его времени отражали великий мрак социальной реальности и сами погружались во мрак и темноту, Прокофьев устремлён «за пределы социального – в метафизическую область смыслов бытия, где в соответствии с его мироощущением царят Любовь и Красота. Именно глубинная интуитивная уверенность в конечном торжестве красоты и добра, бессознательная приверженность этим началам служит основанием как его жизнеориентации, многократно декларируемой композитором в его высказываниях и записях, так и его музыки» [12, с. 9].

Каковы же основания этого оптимизма? Что позволило композитору сохранить внутренний

стержень и духовное здоровье в бесконечной череде социальных потрясений и катастроф, в условиях хаоса и распада, в атмосфере, пронизанной ощущением трагизма и обречённости? В разные эпохи по-разному трактовали оптимизм Прокофьева. Советские музыковеды интерпретировали жизнеутверждающий строй его музыки с позиций социально-политического подхода – как отражение оптимизма социалистического общества. Однако такой подход представляется неубедительным и, в известной мере, односторонним – сформированным под воздействием идеологических установок той эпохи.

В музыковедении довольно часто связывают солнечный оптимизм композитора также с радостным приятием земного бытия, которое, по мнению исследователей, обусловлено особенностями здоровой, цельной личности композитора, сформированной в благоприятных социальных условиях. При этом считается, что его оптимизм был впитан неосознанно, не был подвергнут серьёзному осмыслению. Поэтому значение «светлого начала» в мироощущении и творчестве Прокофьева некоторые авторитетные музыковеды недооценивали, интерпретируя музыку композитора как поверхностное, лишённое всякой глубины и трагизма искусство. В их представлениях оно не отвечало главному требованию эпохи – отражать общую тревогу и напряжённость первой половины XX века. Отсюда довольно распространённым является мнение о том, что С. Прокофьев «чужд метафизике искусства, мистике, эротике вовсе не ввиду преодоления их наравне с акмеистами или художниками “Бубнового валета”, а просто, так сказать по неведению, по совершенной несовместимости этих категорий со здоровой, цельной личностью композитора» [4, с. 182]. Вряд ли можно полностью согласиться с данной точкой зрения. Многие факты биографии Прокофьева говорят о том, что композитор был довольно пронизательным и имел ясное представление о политической и социально-экономической ситуации в стране и мире. В его

мироощущении не было утопического идеализма, отрыва от действительности, ухода, замыкания исключительно в духовных иллюзиях. Он трезво смотрел на жизнь. Отсюда – его ирония, сарказм. И вместе с тем окружающая действительность не подавляла силы духа композитора, не породила обречённости и пустоты. Наиболее рельефно и глубоко эта особенность его мироощущения проанализирована в очерке А. Шнитке «Слово о Прокофьеве»: «Недопущение сюрреалистических ужасов действительности, негибаемость, внутреннее табу на слёзы, пренебрежение к оскорбительным выпадам – всё это казалось спасением» [16, с. 209]. Он подчёркивает значение осознанного оптимизма Прокофьева. Композитор «защищает», сознательно ограждает своё интуитивное оптимистическое мироощущение: «Этот человек, конечно же, знал ужасную правду о своём времени. Он лишь не позволял ей подавить себя» [там же, с. 211].

Очевидно, в данном случае следует предположить наличие каких-то иных источников оптимизма Прокофьева. Их, думается, следует искать в глубинных структурах внутреннего мира этой удивительной личности. Следует обратить внимание на то, что Прокофьев сформировался в условиях удалённой от центров провинции, под воздействием природы и традиционных форм национальной культуры, которые будучи усвоены ещё в детстве, несомненно, оказали влияние на его мироощущение. В близости к природе и русской народной культуре можно усмотреть одну из основных предпосылок цельности и уравновешенности личности Прокофьева, его уверенности в вопросах, касающихся основополагающих жизненных принципов. Эта уверенность и постоянство бессознательно проистекают из ощущения прочных бытийных основ – органичной целостности, единства с родной землей и её культурой. Таким образом, уверенность в прочности и безусловной истинности усвоенного в детстве мировоззрения – одна из важных предпосылок оптимистического мироощущения Прокофьева.

Существенную роль в формировании оптимизма композитора сыграла его творческая самоуверенность, которая питалась и горячей поддержкой его таланта со стороны родителей и близких, и определённой аутентичностью его творческого развития, обусловленной всё той же изолированностью, отсутствием соперничества и связанной с ним критики. Заметим, что указанная самоуверенность должна быть понята не

в плане эгоистической самовлюблённости, а как проявление самостояния композитора, твёрдости его собственных позиций, в свою очередь, фундаментированных основаниями традиционной культуры. Наконец, нельзя сбрасывать со счетов и индивидуальные особенности психики. А. Шнитке замечает: «Наверное, природа подарила ему иные основы и иные точки отсчёта, чем подавляющему большинству людей. Тёмные бездны реального никогда не лишались в его представлении всепокоряющего солнца» [там же, с. 210].

Знаменательно, что тот же глубинный оптимизм заявляет о себе в работах русских философ-эмигрантов, оторванных от своих корней, но сохранявших духовную близость с русской культурой. Так, С. Франк в работе «Свет во тьме», написанной в Париже в первые послевоенные годы (1949), говорит о том, что охватившее европейское общество «скорбное неверие» есть только «горькое сознание *фактической* власти тьмы в мире, то есть неверие в *реальную* [курсив наш. – Т. С., З. Ф.] силу идеальных начал, однако при сохранении “веры” в них самих, то есть при сохранении почитания самой святости и сознания обязанности служения ей» [15, с. 421]. По убеждению философа, в самом почитании святости, как оно заключено в умонастроении «скорбного неверия», молчаливо и бессознательно содержится признание самой святости началом неземного порядка, в каком-то смысле превосходящим всякую фактическую реальность, и тем более производную, «тварную» природу человеческого сердца. «Духовное состояние скорбного неверия, – пишет он, – есть состояние гордого индивидуалистического героизма: всей вселенной человек здесь гордо противопоставляет самого себя – скрытый тайник своей души» [там же]. Отмеченные Франком характеристики весьма точно коррелируют с важнейшими особенностями и чертами, присущими личности Прокофьева.

Для исследования мироощущения композитора огромное значение имеют его записи, относящиеся к периоду увлечения обществом «Христианская наука». Первые страницы были обнаружены и опубликованы французским музыковедом Клодом Самюэлем (Samuel Cl. Prokofjev, Paris, 1961). Второй документ выявила московская исследовательница Наталья Савкина (в собрании Национальной библиотеки Франции), подготовив к изданию в виде факсимиле [21]. Российские читатели смогли познакомиться с ними, благодаря публикации Савкиной 2007 года [11].

Эти записи определяются, как своеобразный «символ веры» композитора, где совершенно отчётливо обнаруживается духовная направленность, ставящая под сомнение устойчивое мнение об атеизме Прокофьева. Особого внимания заслуживает второй документ, где в центре внимания композитора находятся понятия Любви, Разума, Духа. В отличие от предыдущих тезисов, личность предстаёт здесь не в ракурсе индивидуального самоопределения, а в аспекте духовной общности с другими людьми. Прокофьев стремится осмыслить себя в контексте некоего духовного Универсума, для обозначения которого он использует такие понятия, как «единая великая Душа» и «Дух». «Причина единая для всех следствий (идей), – пишет он, – создаёт возможность благотворного понимания между этими идеями; Мы представляем индивидуальные идеи одной великой Души и эти идеи имеют способность притягивать одна другую; Каждая мысль Духа обладает неотъемлемым даром мгновенно откликаться, когда говорят на языке Духа» (цит. по: [11, с. 253]).

Отмеченное внутреннее родство ощущается при ближайшем рассмотрении второй страницы этих тезисов. Она озаглавлена, как «Сила» (Force). Сообразно мысли русских философов, в частности идее Всеединства Вл. Соловьёва, композитор здесь с большей отчётливостью, нежели в ранее опубликованных записях, говорит о неразрывном единстве тела и духа, о сопричастности материального духовному, божественному: «Есть тело, и это тело духовно, то есть исполнено силы: силы кровообращения, силы нервов, силы каждого органа – чтобы нормально выполнять свои функции. Нет правды в слабости, которая лишь пытается спрятать истинную силу, вечно существующую и никогда не исчезающую» (цит. по: [там же]). Особо подчеркнём, что в этом сопряжении явно обнаруживается приоритет духовного – именно ему в качестве атрибута приписывается активность и сила: «Дух есть сила, – провозглашает композитор, – всякая реальная сила духовна; ищите прежде всего царство Духа, только тогда вы узнаете, что такое настоящая сила» (цит. по: [там же]).

Выделим важную запись, недвусмысленно свидетельствующую о религиозной направленности мысли Прокофьева: «Божественная причина, производящая все известные нам последствия, есть манифестация божественной силы, божественной энергии, которую мы целиком отража-

ем в каждом нашем действии и способности» (цит. по: [2, с. 400]). В этом высказывании ясно и отчётливо выражено определение человека как носителя и воплощения Божественного Духа. Соответственно творчество предстаёт в понимании композитора как процесс обнаружения богоподобной человеческой природы. С этой точки зрения можно оспорить утверждение исследователя творчества Прокофьева И. Вишневецкого [2] о близости этих постулатов идеям немецкой классической философии, в частности, И. Канта. Думается, мысль Прокофьева скорее обнаруживает близость основным идеям русской религиозно-идеалистической философии, как она представлена в работах мыслителей Серебряного века. Так, создатель персоналистической философии Н. Бердяев убеждён, что человек есть «прибыльное откровение» в Боге: «В творчестве... призван человек творить мир новый и небывалый, продолжать творенье Божье» [1, с. 331]. Творчество в учении Бердяева предстаёт как онтологическая характеристика, выражающая специфику человеческого бытия. Аналогичное понимание искусства в свете его преображающей миссии находит отражение и в работах А. Лосева.

Русские философы верили в возможность духовного преображения ныне разделённого, «лежащего во зле», но изначально единосущного Богу мира [14, с. 184–203]. Эта вера обнаруживается и на глубинных уровнях музыки Прокофьева. Однако мрачные начала бытия также не были чужды композитору и нашли отражение в его произведениях. Достаточно вспомнить сцену аутодафе в «Огненном ангеле» или сцену смерти князя Андрея в «Войне и мире», равно как и множество трагических и драматических поворотов, например, в Шестой симфонии, Восьмой фортепианной и Первой скрипичной сонатах. Композитор ярко живописует тёмные бездны реального, достигая при этом колоссальной выразительности. Однако даже в самых драматичных сочинениях – в их идейной направленности, недрах самой фактуры слышится устремлённость к свету, ориентация на вечные абсолютные ценности.

Позволим себе ещё раз процитировать Шнитке: «Тёмные бездны реального никогда не лишались в его представлении всепокоряющего солнца. Это абсолютно уникально. ... Такое преодоление настоящего ради вечности [курсив наш. – Т. С., З. Ф.] не было исключительно интеллектуальным достижением, хотя и интеллектуальным тоже. Это всеобъемлющее решение

жизненных проблем, концепция существования» [16, с. 210]. Термин «всеобъемлющее» указывает здесь на расширение оснований творчества Прокофьева, в структуре которых значительное место занимают иррациональные составляющие, прежде всего, своеобразное (уникальное, по словам А. Шнитке) мироощущение композитора. Прокофьев верит в изначальность и конечное торжество светлых начал бытия. В его музыке эти начала приобретают объективно-отстранённый (метафизический) характер вечных ценностей, принадлежащих не столько этому – реальному, обыденному миру, сколько идеальной области трансцендентного. Отнесённость к вечному слышали и осознавали в его музыке уже его современники. Так, по свидетельству М. Мендельсон, после репетиции Пятой симфонии Прокофьева присутствовавший на ней А. Оголевец сказал: «Мы все умрём, а это останется, это – из категории вечного» [8, с. 74].

Будучи осознанным, мироощущение композитора становится «концепцией существования» (А. Шнитке), способствует формированию чёткой мировоззренческой позиции, охраняющей его от душевных метаний и разлагающих душу сомнений. Оптимизм Прокофьева является

устойчивой платформой его личности. Он помогает ему преодолевать трудности обыденной, повседневной жизни – во имя служения вечности: «Прокофьев даёт нам пример того, как можно остаться человеком в условиях, когда это почти невыносимо, как можно сделать жизненной целью преодоление повседневного-человеческого ради *идеальной человечности* [[курсив наш. – Т. С., З. Ф.]]» [16, с. 213]. Последнее высказывание перекликается с рассуждениями русского философа Вл. Соловьёва о Богочеловечестве. «Когда мы говорим о человеке, – пишет создатель концепции Всеединства, – мы не имеем ни надобности, ни права ограничивать человека данной видимой действительностью, мы говорим о человеке идеальном, но, тем не менее, вполне существенном и реальном, гораздо более, несоизмеримо более существенном и реальном, нежели видимое проявление человеческих существ» [13, с. 118].

Отмеченные аналогии позволяют говорить о том, что действительным основанием прокофьевского оптимизма и фундаментом его мироощущения в целом служит не что иное, как подлинная духовность, уходящая своими корнями в русскую культурную традицию с её верой в сопричастность человека абсолютным началам бытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. 607 с.
2. Вишневецкий И. Г. Сергей Прокофьев. М.: Молодая гвардия, 2009. 736 с.
3. Гаврюшин Н. К. С. С. Прокофьев как религиозный мыслитель // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник. 2012–2014. М.: Модест Колеров, 2015. С. 488–495.
4. Гаккель Л. Е. Фортепианная музыка XX века: очерки. 2-е изд., доп. Л.: Сов. композитор, 1990. 288 с.
5. Девятова О. Л. Сергей Прокофьев в Советской России: конформист или свободный художник? // Человек в мире культуры. Екатеринбург. 2013. № 2 (6). С. 39–59.
6. Карнович О. А. Сказка на балетной сцене: интерпретация сюжета «Золушки»: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 2016. 23 с.
7. Круглова Т. А. «Искреннее приношение свободного художника на алтарь брачного союза с трудовым государством»: случай Сергея Прокофьева // Лабиринт. 2013. № 1 (6). С. 67–76.
8. Мендельсон-Прокофьева М. А. Из дневника // Московский музыковед. М., 1991. Вып. 2. С. 60–77.
9. Мендельсон-Прокофьева М. А. О Сергее Сергеевиче Прокофьеве. Воспоминания. Дневники (1938–1967) / науч. ред., предисл. и коммент. Е. В. Кривцовой. М.: Композитор, 2012. 631 с.
10. Набоков Н. Д. Старые друзья и новая музыка. Глава из книги / пер. и примеч. М. А. Ямщикова; подг. публ., вступ. сл. Е. Белодубровского // Нева. 2014. № 8. С. 155–180.
11. Савкина Н. П. Христианская наука в жизни С. С. Прокофьева // Научные чтения памяти А. И. Кандинского: мат. науч. конф. / Моск. гос. консерватория им. П. И. Чайковского. М., 2007. С. 241–256.
12. Сафонова Т. В. Метафизическая составляющая в творчестве С. С. Прокофьева / под ред. З. В. Фоминой. Саратов: Саратовская гос. консерватория им. Л. В. Собинова, 2011. 156 с.
13. Соловьёв В. С. Чтения о Богочеловечестве // Соч.: в 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 5–170.
14. Фомина З. В. Человеческая духовность: бытие и ценности: монография. 2-е изд., преработ. Саратов: Саратовская гос. консерватория им. Л. В. Собинова, 2015. 232 с.
15. Франк С. Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. 510 с.

16. Шнитке А. Г. Слово о Прокофьеве // Беседы с Альфредом Шнитке. М., 2005. С. 209–214.

17. Giroud V. *Nicolas Nabokov: a Life in Freedom and Music*. Oxford and New York: Oxford University Press, 2015. 584 p.

18. Ivashkin A. Who's Afraid of Socialist Realism // *Slavonic and East European Review*. 2014. Volume 92, No. 3. 438 p.

19. Morrison S. *Against Bare Bottoms. Diaries 1924–33: Prodigal Son by Sergey Prokofiev*. Translated

by Anthony Phillips // *London Review of Books*. Volume 35, No. 6 (21 March 2013), pp. 23–25.

20. Morrison S. *Lina and Serge: The Love and Wars of Lina Prokofiev*. London: Random House, 2013. 336 p.

21. Savkina N. The Significance of Christian Science in Prokofiev's Life and Work // *Three Oranges*. 2005. No. 10 (November), pp. 21–22.

REFERENCES

1. Berdyaev N. A. *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva* [The Philosophy of Freedom. The Meaning of Creativity]. Moscow: Pravda, 1989. 607 p.

2. Vishnevetsky I. G. *Sergey Prokof'ev* [Sergei Prokofiev]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2009. 736 p.

3. Gavryushin N. K. S. S. Prokof'ev kak religiozny myslitel' [Sergei Prokofiev as a Religious Thinker]. *Issledovaniya po istorii russkoy mysli. Ezhegodnik. 2012–2014* [Research in the History of Russian Thought. Yearbook. 2012–2014]. Moscow: Modest Kolerov, 2015, pp. 488–495.

4. Gakkel' L. E. *Fortepiannaya muzyka XX veka: ocherki* [20th Century Piano Music: Sketches]. Second Edition, Revised. Leningrad: Sovetsky kompozitor, 1990. 288 p.

5. Devyatova O. L. Sergey Prokof'ev v Sovetskoj Rossii: konformist ili svobodnyy khudozhnik? [Sergei Prokofiev in Soviet Russia: a Conformist or a Free Artist?]. *Chelovek v mire kul'tury* [The Man in the World of Culture]. Ekaterinburg, 2013, No 2 (6), pp. 39–59.

6. Karnovich O. A. *Skazka na baletnoj stsene: interpretatsiya syuzheta "Zolushki": avtoref. ... dis. kand. iskusstvovedeniya* [A Tale for the Ballet Stage: An Interpretation of the Subject of "Cinderella": Thesis of Dissertation for the Degree of Candidate of Arts]. Moscow, 2016. 23 p.

7. Kruglova T. A. "Iskrennee prinoshenie svobodnogo khudozhnika na altar' brachnogo soyuza s trudovym gosudarstvom": sluchay Sergeya Prokof'eva ["A Sincere Offering by a Free Artist on the Altar of the Bonds of Marriage with the Labor Government": the Case of Sergei Prokofiev]. *Labirint* [Labyrinth]. 2013, No. 1 (6), pp. 67–76.

8. Mendel'son-Prokof'eva M. A. Iz dnevnika [Mendelssohn-Prokofieva M. A. From the Diary]. *Moskovskiy muzykoved* [Moscow Musicologist]. Issue 2. Moscow, 1991, pp. 60–77.

9. Mendel'son-Prokof'eva M. A. *O Sergeye Sergeeviche Prokof'eve. Vospominaniya. Dnevniki (1938–1967)* [Mendelssohn-Prokofieva M.A. About Sergei Sergeevich Prokofiev. Memories. Diaries (1938–1967)]. Scholarly Edition, Foreword. and Comments. E. V. Krivtsova. Moscow: Kompozitor, 2012. 631 p.

10. Nabokov N. D. Starye druzya i novaya muzyka. Glava iz knigi [Old Friends and New Music. A Chapter from the Book]. Translation and Notes by M. A. Yamshchikov; Preparation of Edition and Introductory Remarks by E. Belodubrovsky. *Neva* [Neva]. 2014, No. 8, pp. 155–180. Scholarly Edition, Introduction and Commentaries by E.V. Krivtsova.

11. Savkina N. P. Khristianskaya nauka v zhizni S. S. Prokof'eva [Christian Scholarship in the Life of Sergei Prokofiev]. *Nauchnye chteniya pamyati A. I. Kandinskogo: mat. nauch. konf.* [Scholarly Conference in Memory of A. I. Kandinsky: Materials of the Scholarly Conference]. Moscow State P.I. Tchaikovsky Conservatory. Moscow, 2007, pp. 241–256.

12. Safonova T. V. *Metafizicheskaya sostavlyayushchaya v tvorchestve S. S. Prokof'eva* [The Metaphysical Component in the Oeuvres of Sergei Prokofiev]. Edited by Z. V. Fomina. Saratov: Saratov State L.V. Sobinov Conservatory, 2011. 156 p.

13. Solovyov V. S. Chteniya o Bogochelovechestve [Conference about the God-Man]. *Soch.: v 2 t.* [Works in 2 Volumes]. Volume 2. Moscow, 1989, pp. 5-170.

14. Fomina Z. V. *Chelovecheskaya dukhovnost': bytie i tsennosti* [Human Spirituality: Being and Values]. Second Edition, Revised. Saratov: Saratov State L. V. Sobinov Conservatory, 2015. 232 p.

15. Frank S. L. *Dukhovnye osnovy obshchestva* [The Spiritual Foundations of Society]. Moscow: Respublika, 1992. 510 p.

16. Shnitke A. Slovo o Prokof'eve [Schnittke A. A Word about Prokofiev]. *Besedy s Al'fredom Shnitke* [Conversations with Alfred Schnittke]. Moscow, 2005, pp. 209–214.

17. Giroud V. *Nicolas Nabokov: a Life in Freedom and Music*. Oxford and New York: Oxford University Press, 2015. 584 p.

18. Ivashkin A. Who's Afraid of Socialist Realism. *Slavonic and East European Review*. 2014. Volume 92, No. 3. 438 p.

19. Morrison S. *Against Bare Bottoms. Diaries 1924–33: Prodigal Son by Sergey Prokofiev*. Translated by Anthony Phillips. *London Review of Books*. Volume 35, No. 6 (21 March 2013), pp. 23–25.

20. Morrison S. *Lina and Serge: The Love and Wars of Lina Prokofiev*. London: Random House, 2013. 336 p.

21. Savkina N. The Significance of Christian Science in Prokofiev's Life and Work. *Three Oranges*. 2005. No. 10 (November), pp. 21–22.

Об основаниях оптимизма в музыке С. С. Прокофьева

Мироощущение С. С. Прокофьева является выражением глубинных оснований его внутреннего мира, сложившихся в детстве под воздействием природы и традиционных форм национальной культуры. Особое место в мировоззренческой рефлексии композитора занимают религиозные искания. Анализ его личных записей обнаруживает близость основным идеям русской философии: приоритет духовного, сопричастность материального духовному, божественному (Вл. Соловьёв), человек как «прибыльное откровение» в Боге (Н. Бердяев), человек как носитель и воплощение Божественного Духа. Характерная для музыки Прокофьева устремлённость к свету есть выражение многократно декларируемой композитором в его высказываниях и записях направленности на абсолютные (христианские) ценности. Мироощущение С. Прокофьева стало устойчивой платформой его личности, охраняющей от душевных метаний и сомнений. Действительным основанием прокофьевского оптимизма служит подлинная духовность, уходящая своими корнями в русскую культурную традицию с её верой в сопричастность человека абсолютным началам бытия.

Ключевые слова: С. Прокофьев, основания прокофьевского оптимизма, русская культурная традиция, русская религиозная философия.

About the Foundations of Optimism in Sergei Prokofiev's Music

Sergei Prokofiev's world-perception presents an expression of the profound foundations of the composer's inner world, which was formed during his childhood under the influence of nature and the traditional forms of Russian national culture. A special place in the composer's worldview reflection is held by religious strivings. An analysis of his personal notes and diaries reveals a closeness to the basic ideas of Russian philosophy: a priority of the spiritual, the involvement of the material in the spiritual and the divine (according to Vladimir Solovyov), the human being as a "flourishing revelation" in God (according to Nikolai Berdyayev), the human being as a bearer and an embodiment of the Divine Spirit. The determined aspiration towards Light characteristic to Prokofiev's music is inherent in the directedness towards the absolute (Christian) values, asserted by the composer in his spoken utterances and written notes. Prokofiev's view of life became a steady platform for his personality, which guarded him against numerous inner convulsions and doubts. The real basis for Prokofiev's optimism is served by genuine spirituality, which stems from the Russian cultural tradition with its faith in the interconnection of the human being with the absolute origin of existence.

Keywords: Sergei Prokofiev, foundations for Prokofiev's optimism, the Russian cultural tradition, Russian religious philosophy.

Сафонова Татьяна Викторовна

ORCID: 0000-0002-8091-6742

кандидат искусствоведения,

доцент кафедры специального фортепиано

E-mail: tatianasafonova@mail.ru

Саратовская государственная консерватория

им. Л. В. Собинова

Саратов, 410012 Российская Федерация

Tatiana V. Safonova

ORCID: 0000-0002-8091-6742

PhD (Arts),

Associate Professor at the Special Piano Department

E-mail: tatianasafonova@mail.ru

Saratovskaya gosudarstvennaya konservatoriya

im. L. V. Sobinova

Saratov State L. V. Sobinov Conservatory

Saratov, 410012 Russian Federation

Фомина Зинаида Васильевна

ORCID: 0000-0001-6440-386X

доктор философских наук,

профессор кафедры гуманитарных дисциплин

E-mail: zinaf33@yandex.ru

Саратовская государственная консерватория

им. Л. В. Собинова

Саратов, 410012 Российская Федерация

Zinaida V. Fomina

ORCID: 0000-0001-6440-386X

Dr. Sci. (Philosophy),

Professor at the Humanities Department

E-mail: zinaf33@yandex.ru

Saratovskaya gosudarstvennaya konservatoriya

im. L. V. Sobinova

Saratov State L. V. Sobinov Conservatory

Saratov, 410012 Russian Federation